

Книги Татьяны БУЛАТОВЫ для женщин от 18 до 118 лет

Книги Татьяны Булатовой заставляют задуматься о тех, кто рядом. О тех, кого мы любим и не всегда, увы, понимаем!

Мария Метлицкая

Татьяна
БУЛАТОВА

Книги Татьяны Булатовой заставляют задуматься о тех, кто рядом. О тех, кого мы любим и не всегда, увы, понимаем!

Мария Метлицкая

счастливо
оставаться!

Татьяна
БУЛАТОВА

Татьяна Булатова, рисуя яркие образы и ситуацию, отвлекает от вопросов, которые истошняют сердца многих современниц.

Анна Бородава

Мама мыла раму

Ариадна Борисова

172 Ариадна Борисова *И не спешите похудеть*

Ариадна
Борисова

Манечка, или *Не спешите похудеть*

Удивительно, но судьбе совсем не важно, кому вручить свои дары – дурнушке или красавице. А счастье приходит не по расписанию, а когда вы к этому готовы...

Книги Ариадны Борисовой – это простые и мудрые истории о людях, которые ищут и находят в обычной жизни и любовь, и доброту. Сопреживая их поискам, мы сами становимся чище и мудрее.

**Душевное тепло
гарантировано!**

Ab

Книги Анны Берсеневой – истории сильных чувств:

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Слабости сильной женщины
Ревнивая печаль

СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова

«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

Странная Лиза
Портрет второй жены

Стильная жизнь
Полет над разлукой

Гадание при свечах

Флиртаника всерьез

Все страсти мегаполиса

Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька

Вангелия

Женщины да Винчи
Вокзал Виктория

АБ

Анна
Ахрениева

ловец мелкого
жемчуга

роман

Москва

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б 51

Художественное оформление серии
П.Петрова

Берсенева, Анна.
Б 51 Ловец мелкого жемчуга : роман / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с. —(Русский характер. Романы Анны Берсеневой).

ISBN 978-5-699-77746-4

Георгий Турчин обладает качествами, которые делают его неотразимым в глазах женщин. Но стоит Георгию приехать в Москву, как он видит, что его жизненная сила и страсть не залог успеха. Первый же выбор, который он вынужден сделать, это выбор между искусством и деньгами. Георгий делает его в пользу денег и сразу сталкивается с суровыми законами бизнеса. А влюбившись в иностранную журналистку, приходит к выводу о том, что совсем не обладает достоинствами, необходимыми современному успешному мужчине: холодной расчетливостью, честолюбием, карьеризмом.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
ISBN 978-5-699-77746-4 Эксмо», 2015

ЧАСТЬ I

Глава 1

— Все это, Герочка, происходит только от твоей провинциальной наивности. — Заметив недоумение в глазах Георгия, Марфа добавила: — Очень наивно предполагать, будто между тем, что человек говорит, и тем, как он живет, есть прямая связь.

Георгий не знал, что ответить. Марфа была первая женщина в его жизни, с которой он терялся. Правда, ее и нельзя было назвать женщиной в его жизни. Хотя бы потому, что ничего ближе, чем вот этот разговор в вечернем вагоне метро, у них не было и, судя по всему, не предполагалось. Марфа была настоящая московская девушка, это Георгий успел понять за тот месяц, который учился во ВГИКе. Говорит, что думает, не боясь обидеть собеседника и ни секунды не предполагая, что он вообще способен обидеться. Не сомневается в своем праве говорить именно так, потому что знает, что ее право подкреплено природными способностями, правильным воспитанием и хорошим образованием. И внешностью, которую увидишь — не забудешь.

Из-за этой ее внешности Георгий каждый раз нарушал самому себе данное слово: не разговаривать с Марфой о том, что его действительно волнует. Или хотя бы разговаривать об этом небрежным тоном. Но стоило ему увидеть ее поблескивающие черные глаза, каштановую легкую прядь... Эта выющаяся прядь, совсем тоненькая, всегда чуть-чуть отделялась от густых

волос, заплетенных в косу, и лежала у Марфы на щеке воздушной волной, и едва заметно трепетала, когда Марфа улыбалась, говорила, просто дышала... Черт знает что! Ничего Георгий не чувствовал к насмешливой Марфе, а от этой дурацкой пряди глаз не мог отвести, прямо завораживала она его.

— Хоть убей, не понимаю, в чем наивность. — Кажется, ему все-таки удалось переменить тон, словно кто-то на бегу его остановил, схватив за плечо. — Он же мастер, да? И он много хороших вещей говорил на первом занятии. Что отношение оператора к теме должно чувствоваться на уровне всей пластики фильма, и про субъективную камеру... А сам он — равнодушный, как рыба, и не то что к теме, даже к нам никак не относится, по-моему.

— А кто ты такой, чтобы он к тебе как-то относился? — Марфа улыбнулась, и прядь снова дрогнула у нее на щеке. — Ты ему посторонний человек, он в тебе ни капли не заинтересован. Да и никто в тебе ни капли не заинтересован, и нечему тут удивляться.

Георгий понимал, что Марфа спокойно выливает на него холодную воду своей московской правоты. И все-таки слушал, хотя ничего приятного в ее словах не было. В словах — не было, а во всем ее облике — было. И прядь эта, и улыбка, из-за которой он чувствовал себя маленьким мальчиком, и даже шелковая косыночка, чуть-чуть выглядывающая из-под воротника куртки. На уголке темно-фиолетовой косыночки угадывалась чья-то подпись — легкий росчерк бронзового цвета. И в этом небрежном летящем росчерке, принадлежащем, наверное, тому, кто придумал дорогую косыночку, от которой Марфа показывала только самый уголок, Георгий чувствовал ту же снисходительность, что и в Марфином голосе.

В первом часу ночи людей в метро было мало, но Георгий с Марфой не проходили в вагон, стояли у самых дверей. Из-за Георгиева баскетбольного роста

Марфа едва доставала ему до груди. Разговаривая, она закидывала голову и смотрела на него снизу вверх. Правда, он не думал, что она смотрит снизу вверх: как-то не подходило само это словосочетание к Марфе. Оттого что она смотрела вверх, вагонные лампы светили ей прямо в лицо, и казалось, что в глазах ее блестит живой интерес. Хотя, наверное, блестела в них только обычная Марфина насмешливость.

— Сам же говорил, художник должен чувствовать нюансы, — сказала Марфа. — А ты не чувствуешь. Все, Герочка, «Театральная», я выхожу. Тебе до «Лубянки». Пока.

И к этому он тоже никак не мог привыкнуть. Только что разговаривали о чем-то, что ему казалось важным, и вдруг дверь метро открылась, Марфа спокойно вышла, и дверь тут же захлопнулась снова. Ни сожаления о том, что разговор обрывается, ничего... Жизнь в ритме метрополитена.

Они ехали в последнем вагоне, и, пока поезд не отошел от платформы, Георгий еще успел увидеть, как мелькнула вверх по эскалатору Марфина длинная терракотовая юбка с сеточкой фиолетовых разводов. Все, что она носила, было таких неброских и вместе с тем таких насыщенных цветов, что само собою, без всяко-го ее усилия, впечатывалось в память. В его память, во всяком случае.

Георгий доехал до «Лубянки», поднялся вверх по почти пустому эскалатору. Он любил гулять вечерами по Москве. Так она ему нравилась, Москва! Неназывае-мо, маняще нравилась, она дразнила его и будоражи-ла, и не было в его теперешней жизни ничего лучше, чем этот город. Да и прежде ничего лучше не было.

Но после разговора с Марфой настроение испортилось и Москва не радовала. Выйдя из метро к «Детскому миру», Георгий застегнул «молнию» на куртке. Как будто Марфа и правда облила его холодной водой, и теперь ему зябко — даже теплой октябрьской ночью,

даже в грубой кожаной «косухе». Мокрый асфальт блестел в темноте как сталь, лужи словно ртутью были налиты.

Троллейбус пришел сразу, тоже почти пустой. Георгий устроился у окна, уткнулся носом в воротник. Этот троллейбус шел ко вгиковской общаге через пол-Москвы, было время подумать, повспоминать и помечтать о будущем, то есть заняться тем, что не позволяло скучать никогда и нигде, даже на дальневосточной ракетной точке. Но сейчас ему не хотелось ни вспоминать, ни тем более мечтать.

«Вот еду, — мрачно думал он. — Еду в троллейбусе по Москве. В последнем, случайном, прямо как в песне... Почему на самом деле все не так?»

Вряд ли Марфа была виновата в том, что главным чувством сегодняшнего дня, да и многих уже прошлых дней, было у Георгия разочарование. Марфа просто назвала ясными словами то, что он чувствовал и сам: он никто, и звать никак, и никто вообще, а мастер Муштаков, в частности, действительно не обязан проявлять к нему хоть какой-то интерес.

— Жорик, где тебя носило? — Федька влетел в комнату, когда Георгий уже снял со спиртовки маленький металлический чайник и насыпал в него заварку из жестянной коробочки. — А, в Дом кино ходил. Ну и как? Лерка с Лоркой день рождения празднуют, я за бутылкой заскочил. На завтра заныкал, однако и на сегодня не хватило. Собутыльнички, блин! С такими только дерзмо хорошо жрать: ничего не оставят, все сами подметут. Да брось ты свой агрегат, чай — не водка, много не выпьешь! Подгребай к девкам быстрее, все там давно.

Чем хорош был сосед по комнате Федя Казенав, так это тем, что не ждал ответов ни на вопросы свои, ни на предложения. Наверное, потому что новые вопросы и новые идеи рождались у него в голове и попадали на

язык быстрее, чем окружающие успевали реагировать на старые. Георгию казалось, что в Федькиных круглых черных глазах постоянно пляшут точки и черточки, словно мелькают хвостики торопливых мыслей. Федька учился на сценарном, и, как догадывался Георгий, именно такое стремительное мелькание идей лучше всего соответствовало тому, что ему предстояло делать в будущем.

Пока Федька копался на своей полке в шкафу, Георгий заварил чай.

— Да что-то настроения на гулянку нету, Федот, — сказал он. — Может, позже подойду.

— Впечатления от кино в рыжей голове крутишь? — догадался Федька и подмигнул. — Или от Марфы? Ну, дело хозяйствское. А то поделился бы с друзьями. В смысле, впечатлениями, не Марфой. — И, засмеявшись собственной остроте, он выскочил из комнаты, добавив, уже стоя в дверях: — Ладно, если все-таки надумаешь — ждем-с!

Георгий держал кружку двумя руками, согревал ладони и по привычке следил, как дышит, волнуется тонкая пленка пара над поверхностью крепкого чая. Он действительно «крутил в голове» впечатления от «Фаворитов луны», которых они сегодня смотрели с Марфой в Доме кино. Фильм этот, с его мимолетными, друг в друга переливающимися образами, действительно стоил того, чтобы крутиться в голове до бесконечности. Но тоска, навалившаяся еще в метро и не исчезнувшая за всю дорогу к общаге, все-таки не проходила. И в гости к близняшкам с актерского, Лерке и Лорке, у которых гудела сейчас веселая компания, не хотелось именно поэтому.

«Как Марфа про этот фильм сказала? — вспомнил Георгий. — Что он как стихотворение. «Как на узорчатой тарелке...» Что-то там художник рисует на тарелке. Нет, на стеклянной тверди. И вроде про смерть, что он смерти не боится, кажется... Елки, забыл! Пробкой меня заткнули, что ли?» — сердито подумал он.

Память у него была такая, что забыть несколько стихотворных строчек он просто не мог. Но забыл же!

Чтобы отвлечься от своего дурацкого, абсолютно пустого состояния, Георгий взял со стола книгу и раскрыл на первой попавшейся странице. Это была его любимая книга — «Папийон» Шарьера. Георгий вспомнил, как Зина сказала ему в последнюю их ночь в гарнизонной библиотеке, за стеллажами: «Да не возвращай, оставь себе, Гошенька. Кому ее тут читать, кроме тебя?» — и погладила его по щеке не девическим, а женским, даже бабьим каким-то жестом, который возбуждал и раздражал одновременно.

Книга открылась на тех страницах, где Папийон, бежав из тюрьмы, попадает к индейцам, которые занимаются ловлей жемчуга. Это были прекрасные и совершенно загадочные страницы. Почему индейская девушка Лали заставляла своего белого мужа разжевывать и глотать разноцветные жемчужины — белые, розовые, серые, черные? Может, у мужчины, если он проглатывает жемчуг, появляется какая-то особенная сила? Этого автор не объяснял, но Георгий видел, как все это происходило, так ясно, как будто это происходило с ним самим: пустынный берег, сероглазая голая девушка протягивает жемчуг на исцарапанной кораллами ладони, зубы у нее сверкают, как этот жемчуг, который она только что достала со дна моря, а на теле нарисовано какое-то гибкое растение — его ветви поднимаются до самой груди и заканчиваются на сосновых розовыми цветами...

«Я стал привыкать к своей новой жизни и понял, что не следует заходить слишком далеко, иначе привычка может перерости в потребность, и тогда вообще не захочется уходить», — читал Георгий.

Это была первая книга, которую он увидел как фильм. В голове своей увидел, не на экране, и задрожал весь, словно от страха, потому что представил все это именно на экране, и так ясно, как будто снял все сам.

Георгий был уверен, что с местом службы ему повезло. Да он и вообще был везунчик — наверное, из-за рыжей своей, пылающей головы. Может, дело было и не в том, что исполнялась примета — рыжим везет, — а просто люди видели эту голову, похожую на костер, им становилось весело, и они невольно хотели что-то сделать для парня, к широченным плечам которого такая выдающаяся голова приставлена. Но, с другой стороны, на сборный пункт-то Георгий пришел обритым наголо. Поэтому то, что он попал не на три года во флот, а на дальневосточную ракетную точку, можно было считать везением в чистом виде, без внешних факторов.

— Ого! — хмыкнул прaporщик, обходивший выстроившуюся на плацу шеренгу новобранцев. — Как фамилия, откуда такой?

— Рядовой Турчин, из Таганрога, товарищ прaporщик! — громко доложил Георгий, впрочем, не демонстрируя особого рвения.

— Гля, плечища какие отрастил! А чего в десантнуру не взяли?

— Плоскостопие.

— А-а... В баскетбол играешь?

Георгий вздохнул. Этот вопрос задавал, знакомясь с ним, каждый второй. Или каждый первый — если из дураков.

— Не играю, — привычно ответил он. — Фотографирую. Стенгазету могу делать, клуб оформлять.

Гарнизон был замкнутый, удаленный от всего белого света, и все здесь знали друг друга как облупленных. Можно было посочувствовать офицерам: даже любовницу толком не завести, супруга быстрее узнает, чем до дому дойдешь от этой самой любовницы. Правда, при взгляде на служивших здесь офицеров меньше всего могла прийти в голову мысль, что кому-нибудь из них может понадобиться любовница. Мужики пили по-черному, грубели на глазах, и даже молодые лейте-

нанты уже через год после училища начинали разговаривать так, как все здесь разговаривали: не договаривая окончаний не только фраз, но даже слов. А чего там договаривать, небось и так все ясно! Все вообще ясно, никаких открытий жизнь не готовит, здесь каждый это понимал очень быстро...

Георгий армии не боялся. Ни того, что два года придется провести среди посторонних людей, постоянно у кого-то на глазах, ни того, что придется подстраиваться под чужие жизни и подчиняться дуракам. Он вообще мало чего боялся, да к тому же легко осваивался в любой среде, сам не замечая, как это происходит. Вроде и балагуром он не был и ни перед кем не заискивал, но всем сразу начинало казаться, что они столько знают этого парня — рыжего, высокого, приветного.

Идея с оформлением стенгазеты понравилась не только прaporу, но и ротному замполиту. То есть заместителю командира по воспитательной работе, так он теперь назывался. Правда, Георгий не умел рисовать людей, но изобразить что-нибудь неодушевленное, вроде автомата Калашникова, или написать краской лозунг, или обвести что надо ровными рамочками — это без проблем.

— Ты, это, Турчин, в библиотеку сходи, — распорядился старлей Беденко. — А то, понимаешь, двадцать третье февраля на носу, а у нас Костров дембельнулся. Какой художник был! Стенгазета в прошлом году — картинка, первое место взяла в дивизии. Выходит, новую придется делать: ту-то запомнили, не повесишь больше. Короче, ты там возьми в библиотеке. Ну, журналов каких, чтоб с картинками. Отбери чего надо. Ракетные установки сам изобразишь, а людей — типа аппликацию сделай, как в детском саду.

До этого, да и до чего-нибудь более оригинального, Георгий и сам бы додумался, без Беденкиных дизай-

нерских находок. Но излагать свои идеи замполиту он не стал и пошел в библиотеку.

Он едва добрел от казармы до Дома офицеров. Дальневосточные ледяные ветры — это было единственное, к чему он после таганрогской мягкой зимы привыкал тяжело. Снег резал лицо, в сплошной мете-ли еле угадывалось двухэтажное здание с треугольным фронтоном. Но когда Георгий вошел наконец в темный вестибюль и, поднявшись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, открыл дверь в библиотеку, — ему показалось, что мир изменился. Он остановился на пороге, как деревенский мальчик, впервые попавший в городской дом. Хотя с чего бы ему было удивляться, что он, книг не видел?

Но в этой комнате было что-то такое, чего Георгий не видел — вернее, не чувствовал — никогда и, главное, меньше всего ожидал почувствовать в армейском клубе. Потолки здесь были высокие, и сама комната казалась просторной и светлой, несмотря на множество книжных стеллажей. Или, наоборот, благодаря множеству стеллажей, сделанных из светлого некрашеного дерева. Из такого же дерева был сделан высокий барьер перед стеллажами. Георгию показалось, что за барьером никого нет, но тут же из-за него выглянула, привстав, девушка. Наверное, она сидела за столом и, наверное, была невысокого роста, потому что даже макушка ее не виднелась из-за барьера, пока девушка не встала.

— Ой, кто это? — спросила она.

Георгий удивился, увидев ее. То есть не тому, конечно, удивился, что в библиотеке есть библиотекарша. Но как-то не верилось, что именно эта девушка может быть хозяйкой именно этой комнаты, что это благодаря ей здесь установилось такое неожиданное, такое странное ощущение достоинства и покоя.

— Рядовой Турчин, — доложил он и улыбнулся девушким глазам — небольшим, но широко откры-